

IvashkoiVed'ma — текст 3 из 3

Быв сабе дед да баба, да у их не было детей. Во баба и кажа деду: «Иди, деду, у лес, да вырубай тельпушок¹, да зраби калисочку², я буду таго тельпушка калыхать³, чи не будя чаго?»

Дед зрабив так, як казала баба. Во баба калыша тельпушок да й припевая:

Люли, люли, тельпешику.

Зварю тебе кулешику —

И ячнага, и смачнага,

Явсянага, прасянага.

Глядять баба, аж у тельпушка ноги ёсть; баба зрадовалась да давай изнова петь, и спева до тых пор, покуль из таго тельпушка зрабилось дитя. Рады были баба и дед, што дав им бог радость на старость, и не знали, што рабить свайму дитяти.

Расте той сын да расте; уже начав рыбку лавить и памагать батьку. Во и кажа: «Тату⁴! Зраби мини серебряный чавнок да залате веселечко». Батько зрабив; сын начав лавить рыбу и як паедя, так целый день ловя. Во matka принясе яму абедать або вечерять⁵ да и кличе:

Иванька-сынок,

Серебряный чавнок,

Залате веселечко,

Едь ко мне, мое сердечко!

Пачувши маткин голас, сын приезжая к берягу, бяре ядуб, аддае матке рыбу, а сам изнова едя.

Ти⁷ мала, ти багата⁸ ета так было — ведьма, што жила в саседнем селе и знакома была с Иванькиными радителями, пазавидавала и задумала загубить бабинага сына: пригатовила абедать ти вечерять да и пашла на ряку и давай гукать⁹ так, як Иванькина matka гукала яго. Иванька, пачувши яе голас, бо быв грубый, а у матки яго тоненький, да и кажа: «Ета не matka мяне заве, а ведьма!» Ведьма рассярдилась, пашла да кавалья да и загадала зрабить такой язычек, як у Иванькиной матки; приходя знова на ряку да и давай звать яго. Ён думав, што то matka, приплыв к берягу. Яна яго ухватила да и панясла дамов; а ён не разглядав, як падъезжав, бо было тёмна.

Ведьма принясла Иваньку дамов да и кажа сваей дацце¹⁰ Алёнце:

«Дачушечка мая! Вазьми сяго хлопчика, абмый да, вытапивши печь, укинь, и як ён зжарицца, пареж и пастав на стале, а я пайду да пазаву кумачек сваих; придем да и будем гулять». Иванька ета все чув. Ведьма пашла. Дачка зраби, як казала матка, да, взятши лапату, што хлеб сажають, и кажа: «Ивашка, ляж на лапату, я тябе пакалышу¹¹». Иванька лег, да паперёк; Алёнка хатела укинуть яго у печ, да, бача, што ён лег не так, кажа: «Сядь удовж¹²!» Ён кажа: «Пакажи мне, я не знаю, як треба¹³ лечь». Алёнка здура да и лягла, а Ивашка бурхеть¹⁴ яе у печь! Во яна там и апреглась¹⁵. Ивашка, выняв яе, зрабив так, як матка вялела зрабить з им, а сам пашов за горад, да и сев на явар, да и сядить. Ведьма, сабравши сваих кумак, пришла да и давай пить да гулять да тым мясам закусывать. Яна и не думала, штоб ета была Алёнина; яна думала, што дачка пригатовила кушания да пашла гулять да падружак.

Паедавши харашенька таго мяса и правадивши кумачек сваих, ведьма пашла на тоя места, где стаяв явар, што сядев Иванька, да давай качацца да пригаваривать: «Пакачуся, павалюся, Иванькинага мяса наевшись!» А ён и кажа: «А трясцы¹⁶ — Алёнкинага!» Яна, як пабачила яго, дагадалась, пабегла дамов, взяла тапор, да, прибегши, давай рубать явар; тапор переламився. Во яна пабегла да каваля да и приказала зрабить два возы тапаров; ён зрабив. Яна привезла их туда да давай рубить явар; рубая да рубая, а тапары все ламаюцца, бо явар быв грубый; аднак явар начав шатацца на корне и як¹⁷ не упаде. Глядит Иванька, аж лятить стада гусей; во ён и начав прасить их:

Гуси, гуси, лебедята!

Вазьмить мяне на крылята,

Панесить мяне к аццу, к матке;

Будя вам ести и пити

И харашо хадити!

Во тые гуси и гаворют: «Нехай¹⁸ тябе другиі возьмут!» Лятять другиі, ён начав прасить; яны сказали, штоб яго третьи взяли. Лятять и третьи; тые сказали, што яго гусак узяв, што лятить адзаду¹⁹. Лятить той гусак, ён начав прасить; той гусак ухватив и панес яго. Явар упав, а ведьма ад злосци, што не папала в сваи руки Иваньку, стала рвацца, метацца, плакать, да асталась с таким. А гусак панес Иваньку в тоя сяло, где радители; принеши, сев з им на крышу. Во Иванька и став прислухацца у комен²⁰, што у хати делаецца. В ета время Ивашкины радители абедали и плакали по ём;

во ён и кажа: «Не плачьте, батюшка и матушка! Я тут». Яны, пачувши голас яго, выбягли на двор, зняли с крыши и вельми были рады, што нашли сына свайго. Ён разказав им все, што было. Гусака таго яны стали харашо кармить

и паить; стали жить да паживать да добры мысли мать. Ти мала, ти багата паживши, радители Иванькины памерли, а он и тяперь живе да хлеб жуе, рыбку ловя да добрых людей кормя; и гусак тей з ним. Я сам у Ивашки — надовесь²¹ ён свадьбу гуляв — а на той свадьбе скакав, мед-вино пив, в роте не было, а па бараде тякло.